

*Фомин Вячеслав Васильевич,
доктор исторических наук, профессор*

Археологические «чудеса в решетке», или как у древнего Белоозера «отняли» 100 лет, чтобы привязать его к норманнам

Сегодняшняя ситуация в разработке варяго-русского вопроса, являющегося ключевым вопросом отечественной науки и самосознания нашего общества, ибо он связан с именем Руси и Россия, с началами русского народа и русской государственности, предельно несуразна, т.к. его рассматривают через призму шведского взгляда на русскую историю, выставляющего ее в качестве производной от истории шведской (и в качестве, если привести мнение ряда шведских авторов, самого яркого события шведской истории «эпохи викингов», поскольку в действиях последних в Западной Европе их пращуров участия не принимали). А это означает, что наша история, возводимая на ложном фундаменте, лишена своей национальной основы, лишена, таким образом, своих живительных истоков, что в том числе и по этой причине оборачивалось для нас глобальными катастрофами 1917 и 1991 годов.

В 1614–1615 гг. швед П.Петрей, стараясь исторически обосновать права Швеции на северо-западные земли России (включая Новгород Великий), захваченные ею – нашим союзником! – в 1610–1612 гг., и вместе с тем попутно прославить историю своего отечества IX–X вв., которую и ныне в основном восстанавливают посредством спорного толкования исландских саг, первым печатно изложил шведский взгляд на русскую историю, заявив, что «от того кажется ближе к правде, что варяги вышли из Швеции». За ним эту идею – но уже как несомненную истину – в том же XVII в. настойчиво навязывали Европе многие его соотечественники, например, Ю.Видекинд, О.Верелий, О.Рудбек. Причем Рудбек довел, по оценке шведского ученого Ю.Свеннунга, «шовинистические причуды фантазии до полного абсурда»¹ (норманистской их части огромный импульс затем придавали поражения Швеции в войнах с Россией в 1700–1721 и 1741–1743 гг., что было своего рода историческим реваншем, врачевавшим тяжелейшие душевные раны шведов и тешившим их предельно униженное национальное самолюбие, ведь якобы их предки и приобщили ненавистных «русских варваров» к государственной жизни).

В 1774 г. швед Ю.Тунман норманистские «причуды фантазии» возвел в абсолют, вбросив в науку тезис, который также стал бурно давать пышные пустоцветы, все больше искажая и окарικатуривая нашу историю, что «скандинавы... основали Русскую державу»² (в XVII – первой половине XVIII в. немецкие историки, а часть из них прямо заявляла о своем неприятии норманской теории, Б.Латом, Ф.Хемниц, М.Преторий, И.Хюбнер, Г.В.Лейбниц, Ф.Томас, Г.Г.Клювер, М.И.Бэр, С.Бухгольц выводили Рюрика из разных мест славянской Южной Балтики, включая Вагрию, и считали его потомком вен-

до-ободритских королей. В 1808 г. немец Г.Эверс охарактеризовал Петрея как «простодушный пустомеля»³. Утверждая действительно пустое, этот родоначальник норманизма, изначально имевшего антирусский характер и принятого, хотя и не сразу, учеными материковой Европы за бесспорную истину, простодушным, конечно, не был, ибо целенаправленно творил, в угоду интересам политике шведского великодержавия, мнимую славу Швеции, фальсифицируя ее за счет фальсификации истории России).

В 1802–1809 гг. А.Л.Шлецер суммировал и в категоричном тоне (неистово втапывая при этом в грязь М.В.Ломоносова – «полуученого, но все еще полуварвара», да ко всему же «патриота» – за его антинорманизм, сформированный под влиянием тщательного изучения отечественных и иностранных источников и трудов названных немецких исследователей XVII – первой половины XVIII в.), изложил, окончательно узаконив в науке, развесистые «причуды фантазии» шведов, венчая их выводом, что восточных славян – «полудиких» «получеловеков», бродивших «подобно овцам, не имевшим пастуха», – приобщили к «человечеству» и создали у них государство германцы-скандинавы. А несогласных с такой шведско-германской истиной (как и колеблющихся) он – ярый немецко-германский патриот – страшил отлучением от науки, потому как *«ни один ученый историк в этом не сомневается»* (курсив автора. – В.Ф.)⁴.

Очень стараясь соответствовать в глазах западноевропейских норманистов статусу «ученого историка», шведский взгляд на русскую историю в первой половине XIX в. пропагандировало, с неподдельным восторгом и энтузиазмом находя ему все новые и новые «обоснования», подавляющее большинство представителей нашей науки, законодателями в которой были Н.М.Карамзин, М.П.Погодин, Н.А.Полевой. В результате чего идея Шлецера, заключал в 1876 г. И.Е.Забелин, что русский мир в истории был «пустым местом, на котором варяги-скандинавы построили и устроили все, чем мы живем до сих пор», в увлекательном рассказе Карамзина, выразителе «русского европейски-образованного большинства, вообще мало веровавшего в какие-либо самобытные исторические достоинства русского народа», «получила еще больше силы и путем литературного слова распространилась в обществе, как несомненная и ничем не опровержимая истина. На пустом месте варяги-норманны стали казаться уже такими деятелями, которым бы удивился и сам Шлецер»⁵. Погодин и Полевой в норманизации родной истории также пошли дальше своего немецкого кумира, без проблем «открыв», соответственно, «норманский период в русской истории» (862–1054) и «норманскую феодальную систему», также закончившуюся смертью Ярослава Мудрого.

Тогдашнюю ситуацию в науке метко обрисовал на примере Полевого в 1839 г. В.Г.Белинский, не сомневавшийся (по причине тотального господства, по определению Ю.И.Венелина 1836 г., «скандинавомании») в норманстве варягов и руси: «Историки наши ищут в русской истории приложение к идеям Гизо о европейской цивилизации, и первый период меряют норманским футом, вместо русского аршина!...»⁶

Однако под воздействием неопровержимых контраргументов и доказательств антинорманистов 1860–1870-х гг. (в первую очередь С.А.Гедеонова), не убоявшихся ни приговора Шлецера, ни резко-оскорбительных окриков коллег («невежды»/«патриоты»), в том числе отечественных (в 1899 г. Н.П.Загоскин констатировал, что вплоть до второй половины XIX в. «насмешки и упреки в вандализме устремлялись на головы лиц, которые позволили себе протестовать против учения норманизма. Это был какой-то научный террор, с которым было очень трудно бороться»⁷), карточный домик норманистов, так усердно возводимый ими 250 лет, рассыпался.

Как признавал в 1874 г. Н.П.Ламбин, Гедеонов, «можно сказать, разгромил эту победоносную доселе теорию... по крайней мере, расшатал ее так, что в прежнем виде она уже не может быть восстановлена». Полностью солидаризируясь с таким приговором норманской теории, историк-норманист сам уже вел речь о ее «несостоятельности» и признавал, что она доходит «до выводов и заключений, явно невозможных, – до крайностей, резко расходящихся с исторической действительностью»⁸.

Годом позже и ведущий норманист А.А.Куник, говоря, что главным образом Гедеонов беспощадно раскрыл «слабые стороны норманской школы, которые и вызывали противоречие», подчеркивал, что «одними ссылками на почтенного Нестора теперь ничего не поделаешь». А в 1878 г. предложил «при настоящем положении спорного вопроса было бы благоразумнее» Повесть временных лет (ПВЛ) «совершенно устранить и воспроизвести историю русского государства в течение первого столетия его существования исключительно на основании одних иностранных источников»⁹. Тем самым он согласился с ключевым выводом своего оппонента, опрокидывающим все построения норманистов, что эта летопись, будучи самым главным источником по русской истории IX–XI вв., «всегда была и останется, наравне с остальными памятниками древнерусской письменности, живым протестом народного русского духа против систематического онемечения Руси»¹⁰.

Однако в этот крайне тяжелый период для норманизма, когда он в России почти что дышал на ладан, у него объявилась очень мощная и энергичная поддержка в лице зарождавшейся русской археологии, во всем слепо следовавшей за археологией скандинавской. Но последняя, обеспокоенно заостряли внимание в 1897 г. известные специалисты в вопросах археологии и, что немаловажно заметить, норманисты И.И.Толстой и Н.П.Кондаков, «организовалась ранее других – правда, весьма, односторонне и ложно, и ранее опубликовала запас древностей своих собственных и чужих, у себя найденных; поэтому именем “скандинавского” стиля названы были многие вещи в русских древностях, ничего не имевшего общего с варяжским». Таким образом, скандинавская археология изначально жестко задавала нашим исследователям ложные ориентиры, ложные пути и ложные цели. Отсюда и тот ложный результат, к которому они неизбежно приходили и на который уже в 1877 г. указал Д.И.Иловайский: «Норманисты-археологи, раскапывая курганы, везде находят следы целой массы норманнов».

Эти «целые массы норманнов», порожденные норманистским воображением русских археологов и активно вводимые ими в научный оборот, позволили их шведскому коллеге Т.Ю.Арне обосновать в 1914 г. теорию норманской (шведской) колонизации Руси IX–X в., получившую особенную популярность на Западе: «шведские колонии» появились в ее землях уже в первой половине IX в. (причем среди их жителей были и ремесленники), в X в. они «расцвели» вдоль торговых путей повсюду, что в IX–X вв. все торговые пути от Балтийского до Черного и Каспийского морей были «путями викингов», в ходе колонизации основавших Киев и создавших государство, в котором составляли господствующий класс, управлявший славянами и финнами. Под воздействие теории Арне сразу попала – так был велик гипноз скандинавской археологии, которая, ловко превращая «чужое» в «свое», якобы материально подтверждала норманистское прочтение ПВЛ, согласно которому Швеция дала начало Руси, – и наша наука. В 1915–1919 гг. величайший ее авторитет филолог и летописец А.А.Шахматов, выводы которого тут же прописывались в работах других специалистов (включая зарубежных), заполнил Русь «несметными полчищами» скандинавов, выступивших в качестве «могучего бродильного элемента», возбуждавшего «брожение» финнов и славян и создавшего «молодое русское государство».

В советское время первенствующая роль археологии в разработке варяжского вопроса возрастала все больше, логично завершившись провозглашением ее же представителями своей исключительной монополии на его изучение и на его трактовку, следовательно, на формирование общеисторического фона Руси IX–XI веков. В 1962 и 1962 гг. ведущий археолог СССР А.В.Арциховский сказал со страниц зарубежного и отечественного изданий, а с ним согласились все советские исследователи, что «варяжский вопрос чем дальше, тем больше становится предметом ведения археологии» (тогда как письменные источники для IX–X вв. «малочисленны, случайны и противоречивы»). И сразу же у нас начался настоящий «скандинавский бум», выразившийся, в первую очередь, в резко возросшем количестве трудов археологов по славяно-русским древностям, на которых они увидели «многочисленные» и «бесспорные» следы «героев Севера» (причем старые норманистские аргументы, от которых отказались под воздействием критики С.А.Геденова М.П.Погодин и А.А.Куник, вновь предстали как откровения).

Эта свехувлеченность скандинавами, превратившаяся в одержимость тщательнейшего поиска (и уже потому чаще всего заканчивавшегося выдумками) фактов их пребывания в землях Руси (к чему толкала и абсолютизация действительно скандинавских вещей, которые могли попасть в Восточную Европу без всякого участия скандинавов), породила у советских археологов, старавшихся даже на совершенно пустом месте непременно найти своим находкам «параллели в кладах Северной Европы» или узреть на них декор «в стиле Борре», заключения принципиального свойства. А этими заключениями безропотно руководствовались ведомые ими историки и лингвисты, строя уже свои норманистские замки на песке, которые становились «научной ос-

новой» для точно таких же «последних слов в науке» археологов, на которых затем их «младшие» собратья по научному цеху опять лепили новые (так по этому кругу идет по сей день).

В 1970 г. археологи Л.С.Клейн, Г.С.Лебедев и В.А.Назаренко, будучи, как все советские исследователи «советскими антинорманистами» (признание ими варягов норманнами сопровождалось, с цитированием классиков марксизма-ленинизма, отрицанием тезиса, что они создали Древнерусское государство¹¹), утверждали о значительном весе скандинавов в высшем слое «дружинной или торговой знати» Руси, что в X в. они – знатные дружинники, купцы и их жены, простые воины, ремесленники и, возможно, крестьяне (о последних не пробовал говорить даже Т.Ю.Арне) – составляли «не менее 13% населения отдельных местностей» Руси по Волжскому и Днепровскому торговым путям, что в Киеве их было уже порядка 18-20% (т.е. каждый пятый житель столицы Руси!) и что в Ярославском Поволжье численность скандинавов уже «была равна, если не превышала, численности славян».

Одиннадцать лет спустя археологи А.Н.Кирпичников, Г.С.Лебедев и И.В.Дубов, оперируя артефактами, в том числе ими объявленными скандинавскими, огласили «научное открытие», в той или иной форме давным-давно звучавшее в науке, согласно которому «в ладожских материалах нашла свое решение варяжская проблема»: в Ладоге в середине IX в., «повидимому, на какое-то время утверждается норманский конунг со своим двором и дружиной», выполняя «социальный заказ» – «обеспечивая безопасность города и охраняя его судоходство, в том числе и от своих же норманских соплеменников, неоднократно угрожавших Ладоге».

Попад под гипноз этих и им подобных выводов археологов, авторитетнейший филолог Д.С.Лихачев в 1989 г. предложил называть Русь – «особенно в первые века ее исторического бытия» – «Скандославией» (именуя ее так и в наше время, называл ее еще и «Скандовизантией»). В свою очередь известный историк Р.Г.Скрынников в 1995–2000 гг. Русь IX–XI вв. переименовал, также под воздействием фиктивных находок и покоящихся на них заверениях археологов, в «Восточно-Европейскую Нормандию» (в 1999 г. он так назвал главу учебного пособия «для абитуриентов гуманитарных вузов и учащихся старших классов», предназначенного «для углубленного изучения отечественной истории» и отразившего «новейшие открытия мировой исторической науки», согласно которым на Руси, как также давным-давно многоголосо и на разных языках уверяют норманисты, постоянно и массово пребывали норманны. В стиле скандинавских ученых В.Томсена, Т.Ю.Арне и А.Стендер-Петерсена, причислявшего «себя к племени варягов», Скрынников вел речь о «норманском» Киевском княжестве, о «норманском Полоцком княжестве», о «норманских княжествах в Причерноморье», в Прикаспии, о неудачной попытке конунга Хельга «основать норманское герцогство в устье Куры», об обширных опорных пунктах, создаваемых скандинавами на близком расстоянии от границ Византии и пр. Походя «присвоив» великому русскому князю Святославу звание «старший из конунгов»).

Совсем недавно, в конце первого десятилетия XXI в., Институт истории материальной культуры РАН совместно с французскими учеными стал активно претворять в жизнь программу научного обмена «Две “Нормандии”»: междисциплинарное сравнительное исследование культурного присутствия скандинавов в Нормандии (Франция) и на Руси (Новгородская земля) и его историческое значение». Параллельно эту Новгородскую Нормандию начали усиленно превращать в своего рода «Скандоленд»: т.н. Рюриково городище, которое находится в 2 км к югу от Новгородского детинца близ истока Волхова из Ильменя и раскопки которого четверть века вел директор упомянутого института, член-корреспондент РАН Е.Н.Носов, включено в общеевропейский каталог Совета Европы как памятник, рекомендуемый для посещения туристами в рамках культурной программы «По путям викингов»¹².

«Пути викингов», которые грезилась еще шведу Арне, водившему по ним массы своих далеких предков, но которые совершенно неведомы скандинавским источникам, будут теперь энергично прокладывать по всей территории бывшей Руси (в этом плане нашим археологам серьезную конкуренцию составляют их украинские коллеги, стремясь подвести, подыгрывая русофобским настроениям потомков нациста Бандеры, «материальную базу» под тезис об извечных связях своей «неньки» с Западом). Ибо многочисленные норманистские фантомы требуют своей материализации, чтобы зримо и осязаемо воздействовать – без всяких аргументов – на столь податливые сейчас умы, отравленные мифами о викингах, предстающих не варварами, грабителями и убийцами (о защите от которых столетиями молили миллионы западноевропейцев: «Боже, избави нас от неистовства норманнов!»), а благородными воинами, бесстрашными первооткрывателями и поселенцами, «викингами-джентльменами», носителями развитой культуры Скандинавии.

Да и примеры тому уже есть: в шведском г. Норчёпинге сооружен памятник, как это с нескрываемой радостью и гордостью – это же есть пуповина, связывающая нас с Западной Европой, хотя ни отечественных, ни украинских норманистов нисколько не смущает то обстоятельство, что ее роль выполняют самые ненавистные и презираемые европейцами той эпохи норманны-убийцы – преподносится в нашей печати, «первым русским князьям-скандинавам Рюрику, Олегу и Игорю». Фото стелы (с бронзовым норманским корабликом, с портретами названных князей и датой 862), установленной в 1960-х гг. (в том числе под влиянием развернувшегося в СССР «скандинавского бума») и посвященной этим небывалым шведам, в 1997 и 2002 гг. посредством журнала «Родина» массово растиражировали, с целью воздействия на нашего читателя, археологи В.Я.Петрухин и А.Н.Кирпичников.

В 2010 г. историк Г.М.Коваленко привел еще один такой же «антинорманистский факт», также вызванный к жизни – и также совсем недавно – норманизмом, в том числе российским: «В маленьком шведском городе Нортелье есть памятник Рюрику (как можно судить по снимкам, размещенным в интернете, представляет собой копию норчёпингской стелы. – В.Ф.). Согласно местной легенде, именно отсюда когда-то он отплыл на Русь. Однако, не-

смотря на бытование такой легенды, каких либо упоминаний о Рюрике в скандинавских источниках нет»¹³ (факт их полнейшего молчания о Рюрике, о котором они, будь этот родоначальник династии, стоявшей во главе мощной Руси с территорией более 1 млн. кв. км., скандинавом, обязательно бы сказали, как говорится ими о его младшем современнике, Ролло-Роллоне, в 911 г. основавшем микроскопическое, лишь через 200 лет с лишним доросшее до площади около 30 тыс. кв. км., герцогство Нормандское, Г.Эверс в 1808 и 1814 гг. емко охарактеризовал как «убедительное молчание»¹⁴).



В 2012 г. историк Е.В.Пчелов (замусоривший русскую историю не имевшими к ней отношения персонажами скандинавских саг, зачастую просто сказочными, и отыскавший нашему Рюрику, выдавая его за дана Рорика Ютландского, скандинавских и отца, и деда, и даже прадеда – то ли легендарного конунга данов Харальда Хильдитенна, зашибленного дубиной Одина, то ли «выдающегося» Хрёрика Метательное Кольцо) в учебнике для 6 класса «История России с древнейших времен до конца XVI века» (затем не раз переизданном) ложную идею о варягах-скандинавах закреплял в сознании детей посредством как раз фотографии «Памятник первым русским князьям – Рюрику, Олегу, Игорю», задавая им вопрос: «Как вы думаете, почему в Швеции был установлен памятник первым русским князьям?»¹⁵ (да что им – «зашибленным» норманизмом – остается думать?).

Памятник первым русским князьям — Рюрику, Олегу и Игорю. Швеция

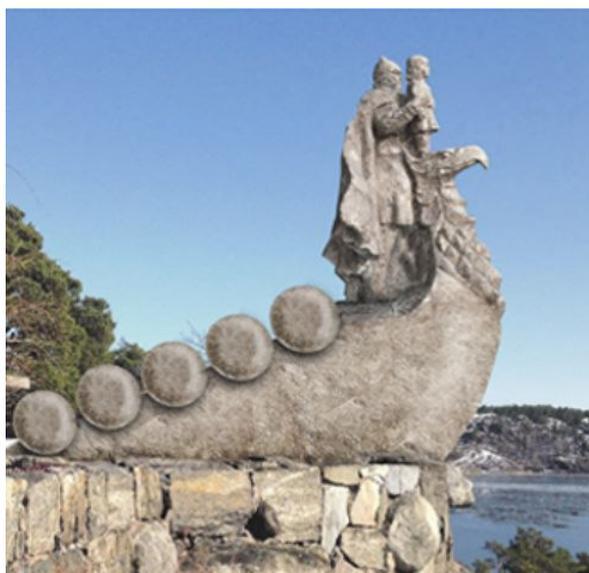
Как вы думаете, почему в Швеции был установлен памятник первым русским князьям? Узнайте, когда он был установлен.

4. Русское княжество в Киеве. В Киеве также начало складываться государство во главе с киевскими князьями. Среди них «Повесть временных лет» называет варягов *Аскольда* и *Дира* — дружинников Рюрика.

В 882 году князь Олег вместе с малолетним Игорем двинулся из Новгорода на юг. По пути



На сайте «Союза русских обществ в Швеции» 12 августа 2020 г. была размещена новость, о которой уже раструбила шведская пресса, под заголовком «Рюрик возвращается в Швецию». В ней сообщается, что скульптор Р.Хёгберг изваял из карельского гранита Рюрика (высота 2,7 м), стоящим на корабле (длина 7,5 м) и поддерживающим ребенка (видимо, олицетворявшего собой не Игоря, а будущее Русское государство), и ищет сейчас землю и спонсора. В интернете, с красноречивым пояснением, что самый известный викинг Рюрик, «утерянный в истории», «основал Россию в VIII в.», просят поддержать проект, обещая за это выгравировать на 14 гранитных щитах, что размещены по бортам корабля, имена («станьте частью памятника») возжелавших финансово поспособствовать украшению Швеции еще одним памятником (и, думается, не последним) человеку, не имеющему к ней никакого отношения¹⁶.





В 2012 г., президентским указом объявленным годом 1150-летия зарождения российской государственности, С.П.Щавелев заключал (в духе «ультранорманизма» шлецеровского типа), похороненного, как подчеркивал норманист В.А.Мошин, С.А.Геденовым¹⁷), напомним, кого нам надо чествовать как родителей и повитух этого процесса: «горсточка» скандинавов во главе с Рюриком основала Русь, «основала целое государство, даже в начале своего развития равное по площади среднему европейскому королевству». И в этом «целом государстве» скандинавы, носители «более сложной культуры», жили «семьями, с женщинами и детьми; занимались ремеслами и торговлей; обслуживали караваны купцов и паломников; занимались к местным предводителям в качестве вооруженной охраны», среди славян и их соседей «в итоге составили как бы офицерский корпус, возглавлявший военное ополчение аборигенов», привнесли на Русь «качественно необходимую присадку образцов военного дела, дальней торговли и сложных ремесел» и пр., пр., пр. (Олег «в лучших викингских традициях устранил Аскольда и Дира», Святослав был «последним викингом» на востоке)¹⁸.

Фиктивность утверждений норманистов, в первую очередь, археологов, очень хорошо видна в том числе и на примере г. Белоозера (его локализуют на р. Шексне, в 2-2,5 км от ее истока из Белого озера, в урочище «Старый город»). Там предметов «северного»/«скандинавского» происхождения обнаружено, при самом детальном обследовании, только 4 или 5, тогда как общее собрание находок, отмечал в 2012 г. С.Д.Захаров, насчитывает около 20 тыс. Причем их связь (как в целом связь таких же, весьма многочисленных ве-

щей, обнаруженных на территории всего центрального Белозерья) со Скандинавией, по его же уточнению, «устанавливается более или менее уверенно». Однако этих «более или менее» оказалось более чем достаточно, чтобы Захаров, традиционно абсолютизируя микроскопическую пыль скандинавских предметов (или того, что под ними понимается), составляющую 0,025% от общего числа всех находок, уверенно говорил о присутствии скандинавов в Белоозере, считая, что они прибыли туда вместе с приильменскими славянами в середине X в. по северному, вытегорско-ковжскому, пути.

Приведя скандинавов в Белоозеро в указанное время, Захаров урезал, а ложная посылка всегда рождает ложный вывод, его исторический возраст: «Учитывая небольшое общее количество скандинавских находок, хронологию этих вещей (их он датирует серединой – второй половиной X в. – В.Ф.) и отсутствие в регионе скандинавских погребений, можно утверждать, что устанавливаемые по археологическим данным масштабы скандинавского присутствия в центральном Белозерье и время появления здесь варягов совершенно не соответствует той роли, которая отводится Белоозеру в летописном Сказании о призвании варягов». Уверяя, что выявлены «существенные расхождения между летописными сведениями и археологическим материалом» (ибо скандинавские вещи значительно оторваны от летописной эпохи «призвания варягов») и что «хронологический разрыв между первым упоминанием города в летописи и реальным возникновением Белоозера составлял 3/4 века», ученый отнес его начало, вопреки ПВЛ, к середине X в.¹⁹

При этом Захарова несколько не смутило принципиальное расхождение между утверждениями археологов, все подверстывающих под своих «героев Севера», и тем действительно историческим фактом, что скандинавские источники никого из предшественников Владимира Святославича, севшего княжить в Киеве в 980 г., не знают вообще. А ведь из этого факты вытекают непреложный вывод, что скандинавы стали появляться на Руси только при нем, т.е. спустя почти 120 лет после призвания варягов/варяжской руси, и только близко к тому времени они и слышали слово «Русь».

Способ «омоложения» посредством скандинавских и псевдоскандинавских находок возраста одного из самых древнейших русских городов вызывает вопрос по той только уже причине, что если бы они датировались, например, концом X в. или серединой XI в., то автоматически бы изменялась и точка отсчета начала Белоозера, еще более искажая истинную картину далекого, но всегда очень важного для нас прошлого. Да и с точными датами в археологии дело обстоит весьма туго. «Невозможно установить – пояснял в 1962 г. английский археолог П.Сойер, – точную историческую дату материальных находок, объектов и даже стилей и технических приемов, а значит установить прочную связь между археологическими открытиями и историческими событиями очень трудно» («историки не всегда осознают, – добавлял он, – насколько велика может быть погрешность датировки в археологии»).

Почти сорок лет спустя, в 2001 г., уже наш археолог К.А.Михайлов указывал, что находки скандинавских вещей в погребальных комплексах Во-

сточной Европы «не помогут точно указать дату погребения, так как в Скандинавии вещи также датируются приблизительно, в пределах одного или двух столетий». В 2012 г. директор Института археологии РАН академик Н.А.Макаров заострял внимание на том, что во многих областях Руси «культурные напластования IX в., в отличие от более поздних, не содержат четко определенных датирующих вещей и с трудом поддаются идентификации». Да и сам С.Д.Захаров говорил о дискуссионности «существующей хронологической шкалы находок раннего периода» (к слову сказать, Л.А.Голубева, с 1949 г. ведшая масштабные раскопки Белоозера, в 1965 г. датировала его серединой X в., а в 1973 г. – уже первой половиной этого столетия)²⁰.

К изъятию Захаровым из истории Белоозера «3/4 века» подтолкнули его старшие, весьма авторитетные товарищи. Так, в 1996–2003 гг. А.Н.Кирпичников подчеркивал, что «Сказание о призвании варягов» «зафиксировало реальное событие, связанное с появлением в среде славян и финнов севера Восточной Европы скандинавских пришельцев», проводил тезис, популярный в советской науке как одно из проявлений «советского антинорманизма», о легендарности братьев Рюрика Синеуса и Труворе. Потому как их имена представляют собой ошибочное толкование древнешведских слов: Синеус (*sine hus*) – «свой род», Трувор (*thru varing*) – «верная дружина» (эти выдумки разбивает уже как Пискаревский летописец, написанный в 20–30-х гг. XVII в. и зафиксировавший многовековую традицию бытования имени «Синеус»: под 1586 г. в известии об опале на князя А.И.Шуйского сказано, что «казнили гостей Нагая да Русина Синеуса с товарищи», так и русский фольклор о князьях Синеусе и Труворе, а с ним и «могила царя Синеуса» в Белозерье, и Труворова могила близ Изборска). Дополнительный довод Кирпичникова в пользу проводимого им тезиса заключался в том, что в Белоозерской округе само присутствие скандинавов, судя по археологическим находкам, слабо прослеживается не только в IX, но и в X в., «а в Изборске не обнаружено характерного комплекса скандинавских изделий – поэтому вряд ли там появлялся знатный скандинав»²¹.

То есть опять во главу угла тенденциозно, а значит, ложно, ставятся скандинавские находки, по отсутствию которых на сей раз из нашей истории археологи уже выбрасывают, словно мусор, Синеуса и Трувора. Однако вместе с тем отсутствие скандинавских артефактов на «бытие» норманнов в науке и в массовом сознании никак не сказывается, потому как существует много способов все это «научно» объяснить и умело преподнести. Так, на экспозиции «Древности Белозерья», размещенной в Кирилло-Белозерском монастыре, представлена карта Руси, с указанием Белоозера, Ладоги, Новгорода, Владимира, Рязани, Смоленска. И перед ней расположены, сразу же бросаясь в глаза, «новоделы» скандинавских вещей, создающих видимость (а это есть наглядный образец работы призмы шведского взгляда на наши древности), особенно сверкающая самоварным золотом скорлупообразная скандинавская фибула, картину скандинавского присутствия (включая женщин) во всех уголках Русского государства, в том числе и в Белозерье.



Но наличие подобной фибулы в материалах Белоозера позволяет лишь вести разговор о торговле, обмене, военных походах, не более. В 1982 г. крупнейший наш археолог В.В.Седов, будучи, как все «советские антинорманисты», норманистом, однако при этом не принимая ряд «чудес в решете» коллег, противоречащих не только науке, но и здравому смыслу, резюмировал, что, во-первых, очевидно, скандинавские фибулы носили в Приладожье веские женщины, т.к. эти застёжки встречаются в курганах с местным погребальным ритуалом. Во-вторых, вообще находки скандинавских вещей – скорлупообразных фибул, широких выпукловогнутых браслетов, плетенных браслетов, подвесок – «не являются этноопределяющими. Их присутствие в трупосожжениях ростово-суздальских курганов отнюдь не означает, что погребенные с такими украшениями были норманнами», потому как украшения эти попали в Восточную Европу в результате оживленной торговли²².

Вроде бы все ясно. Однако даже по самому ничтожному количеству находок – скандинавских и «скандинавского облика» (а под это весьма расплывчатое понятие можно подогнать что угодно) – быстренько вбрасываются в науку теории и мнения, которые, хотя затем и лопаются, служат основой для таких же мыльных пузырей, а те, в свою очередь, для других и т.д. Это иногда признают и сами археологи. Касаясь поселения Крутик, которое находится примерно в 25 км ниже от Белоозера по Шексне и слои которого

© pereformat.ru

датируются второй половиной IX в., Захаров невольно продемонстрировал характерную манеру умозаключения наших археологов: из его раскопок «особый интерес вызвали две находки скандинавского облика (ажурный наконечник ножен меча с изображением птицы и игла от кольцевидной фибулы. – В.Ф.), расцененные (в 1982 г. Л.А.Голубевой, в 1986 г., с ссылкой на нее, А.Н.Кирпичниковым, И.В.Дубовым и Г.С.Лебедевым. – В.Ф.) как свидетельство присутствия на поселении скандинавских купцов». В результате чего было высказано предположение, прочно закрепившееся в археологической литературе, что оно являлось временной стоянкой скандинавских воинов-торговцев. Так, создавался, критически заметил Захаров, «вокруг Крутика ореол крупного центра скандинавского влияния в Северной Руси»²³.

Но благодаря такого рода массовым «ореолам» и «предположениям», которые никуда не исчезают, а кочуют из исследования в исследование, множа там себе подобные небывлицы (потому как «опыт доказал, – заметил С.А.Гедеонов, – что при догмате скандинавского начала Русского государства научная разработка древнейшей истории Руси немислима»²⁴), рождаются официальные документы, на государственном уровне закрепляющие норманистскую неправду о нас же самих и обедняющие русскую историю, в которой должны быть дороги не то что столетия, а каждые секунды. Тем более, когда в ПВЛ речь очень сжато ведется, без уточнения ее племенной принадлежности, о варяжской руси, прибывшей в Восточную Европу в 862 г., и с которой летопись связывает начало русского имени (она затем указывает на активнейшее участие ее представителей – князей, бояр, дружинников, послов, купцов – в укреплении и развитии русской государственности).

29 марта 2010 г. Президент РФ Д.А.Медведев подписал указ № 385 «О праздновании 1050-летия основания г. Белозерска Вологодской области». Празднование было назначено на 2012 г., т.е. за точку отсчета бралась летописная дата 862 г. («В лето 6370»), под которой читается «Сказание о призвании варягов», поясняющее, что брат Рюрика Синеус сел «на Белом-озере, а третий – Трувор – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля». Но с прибавлением к ней ровно 100 лет (в которые превратились, видимо, для округления, «3/4 века»), следовательно, 962 г., являющийся в ПВЛ пустым годом (в ней он лишь просто отмечен: «В лето 6470». И все).

Причем в указе отмечено, что предложение о праздновании 1050-летия г. Белозерска исходило от органов государственной власти Вологодской области. Но чиновники – не ученые. И им рекомендовали назвать такую «цифирь», в преддверии официального празднования 1150-летия зарождения российской государственности (хотя в 1808 и 1814 гг. Г.Эверс правомерно констатировал, что «русское государство при Ильмене озере образовалось и словом и делом до Рюрикова единовластия, коим однако же Шлецер начинает русскую историю... Призванные князья пришли уже в государство, какую бы форму оно не имело»²⁵), археологи, тенденциозно интерпретирующие и свои источники, и историю Руси (если кому-то в кинокомедии не жалко отдать шведам Кемской волости: «Да пусть забирают на здоровье», то в нашей

реальности кому-то не жалко тем же шведам передать, будто заслуженный ими трофей, летописное Белоозеро, отняв из его исторической жизни как минимум 100 лет. А параллельно с тем кому-то не жалеючи накинуть, чтобы отметить мифическое 1000-летие, несколько веков).

862 г. – дата первого упоминания нашей древнейшей летописью Белоозера, славянское название которому дали варяги (варяжская русь) реального Синеуса (нелишне заметить, что среди русских городов IX–XI вв. нет ни одного, который бы носил скандинавское имя). А это славянское название прямо указывает на славянский язык варягов Синеуса, что в свою очередь прямо указывает и на их родину – Южную Балтику (в керамической коллекции городища Никольское I, что в низовьях Кемы, «ощущается, – отмечал С.Д.Захаров, – значимое (20%) присутствие сосудов, близких так называемой керамике ладожского типа»²⁶, точнее говоря, южнобалтийской). В пределах Южной Балтики – от нынешнего польского Поморья до Вагрии включительно – проживали славянские и славяноязычные народы, создавшие высокоразвитую цивилизацию, приводившую в восхищение их соседей германцев (жителей Вагрии, а это северо-восточный угол современного Шлезвиг-Гольштейна ФРГ, который венчает остров Фембре, называли, как констатировали в 1544 и 1549 гг. немцы С.Мюнстер и С.Герберштейн, ваграми-варягами, а в XII–XIII вв. сама эта область нередко именуется в источниках «Руссией»).

И летописной даты – 862 – нам и надо твердо держаться в разговоре о Белоозере, как ее твердо держатся (она, например, гордо выведена на БТР, стоящем на постаменте), жители г. Белозерска (к первым упоминаниям о себе, к тому же сопровождаемым датами, очень трепетно и очень бережно относятся, наверное, все народы, особенно малые. Но и великому русскому народу не стоит разбазаривать свою историю). В связи с чем, а также с целью восстановления и торжества исторической правды, следует в будущем 2022 г. отметить 1160-летие летописному Белоозеру (его подлинное местонахождение под вопросом, но он, разумеется, был).

Отметить, проведя в г. Белозерске, историческом правопреемнике Белоозера Синеуса, исторический форум, в котором примут участие ученые, представители органов государственной власти Вологодской области и древнейших русских городов – Изборска, где княжил брат Синеуса Трувор, Ладоги и Новгорода (разные списки ПВЛ «сажают» их старшего брата Рюрика и там, и там).

Отметить так, чтобы больше ни у кого не возникало соблазна, по своему субъективному разумению, за которым часто стоит политика (малая и большая), экспериментировать над нашей историей, в том числе что-то в ней приуменьшая или что-то к ней прибавляя. А говорить о ней в согласии, прежде всего, с письменными источниками. Хотя в них и присутствует – в той или иной мере – тенденциозность, но она, простительная для средневековых авторов, никак не может быть сравнима с тенденциозностью археологов, жестко глядящих на наши древности через призму шведского взгляда и навя-

зывающих этот взгляд и науке, и обществу. Однако с этим взглядом, проповедующим историческую ложь о начале Руси, следовательно, о современной России, у нас не может быть будущего²⁷.



¹ См., напр.: *Фомин В.В.* Варяги и варяжская русь: К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005. С. 8-57, 436; *его же*. К 400-летию юбилею начала норманской теории // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика. Вып. 2. М., 2015. С. 229-248.

² *Thunmann J.* Untersuchungen über die Geschichte der östlichen europäischen Völker. Th. 1. Leipzig, 1774. S. 371-372.

³ *Ewers J.P.G.* Vom Ursprunge des russischen Staats. Riga, Leipzig, 1808. S. 53, anm. 2.

⁴ *Шлецер А.Л.* Нестор. Ч. I. СПб., 1809. С. 325, прим. **; *Фомин В.В.* М.В.Ломоносов-историк глазами Г.Ф.Миллера и А.Л.Шлецера // Ключевские чтения – 2014. Россия и русский мир перед лицом глобальных угроз: Материалы Всероссийской научной конференции / Сб. научных трудов. М., 2015. С. 94-102.

⁵ *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М., 1876. С. 88, 92-93.

⁶ *Белинский В.Г.* <Рецензии и заметки, январь-март 1839 г.> // *Его же*. Полн. собр. соч. В 13 т. Т. III. М., 1953. С. 19, 596, прим. 19³.

⁷ *Загоскин Н.П.* История права русского народа. Лекции и исследования по истории русского права. Т. 1. Казань, 1899. С. 336.

⁸ *Ламбин Н.П.* Источник летописного сказания о происхождении Руси // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. CLXXIII. № 6. СПб., 1874. С. 228, 238-239.

⁹ Дополнения А.А.Куника // *Дорн Б.* Каспий. СПб., 1875. С. 397, 399, 419-421, 446, 451-452, 456-457, 462; *Куник А.А.* Известия ал-Бекри и других авторов о руси и славянах. Ч. 2. СПб., 1903. С. 021, 032-033, 057-058.

- ¹⁰ Гедеонов С.А. Варяги и Русь. В 2-х частях / Автор предисл., коммент., биограф. очерка В.В.Фомин. М., 2004. С. 58; Фомин В.В. Сокрушение С.А.Гедеоновым норманистского мифа // Гедеонов С.А. Варяги и Русь. Историческое исследование / Сост., автор предисл., коммент., примеч. В.В.Фомин. М., 2018. С. 6-110.
- ¹¹ Фомин В.В. Норманистская сущность «советского антинорманизма». Ч. 1 // Исторический формат. 2018. № 3-4. С. 98-164; ч. 2 // То же. 2019. № 1. С. 60-97.
- ¹² Славяне и Русь: Проблемы и идеи. Концепции, рожденные трехвековой полемикой, в хрестоматийном изложении / Сост. А.Г.Кузьмин. М., 1998. С. 293; Фомин В.В. Скандинавизация или небылицы о шведской Руси // Сборник Русского исторического общества. Т. 5 (153). М., 2002. С. 234-238; *его же*. История Руси глазами шведского археолога Т.Ю.Арне и его российских последователей // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 11. С. 116-124; *его же*. Варяго-русский вопрос в интерпретации отечественных археологов дореволюционного и советского времени // Вопросы истории. 2021. № 5(1). С. 231-253.
- ¹³ Петрухин В.Я. «От тех варяг прозвася...» // Родина. 1997. № 10. С. 12; Кирпичников А.Н. Великий Волжский путь // То же. 2002. № 11-12. С. 64; Коваленко Г.М. Русские и шведы от Рюрика до Ленина. Контакты и конфликты. М., 2010. С. 11.
- ¹⁴ Ewers J.P.G. Op. cit. S. 179-184; Эверс Г. Предварительные критические исследования для российской истории. Кн. 1-2. М., 1826. С. 148-151.
- ¹⁵ Пчелов Е.В. История России с древнейших времен до конца XVI века. Учебник для 6 класса общеобразовательных учреждений. Рекомендовано Министерством образования и науки РФ. М., 2012. С. 41.
- ¹⁶ <https://rurik.se/news/19941>
- ¹⁷ Мошин В.А. Варяго-русский вопрос // Варяго-русский вопрос в историографии / Составит. и ред. В.В.Фомин. М., 2010. С. 15, 24, 26-27, 33-35, 40, 42-44, 70.
- ¹⁸ Щавелев С.П. 1150: юбилей российской государственности. От «призвания варягов» (862) до основания житийно-летописного города Курска (1032:980). Курск, 2012. 15, 18-24.
- ¹⁹ Захаров С.Д. Белоозеро // Русь в IX–X веках: археологическая панорама / Отв. ред. Н.А.Макаров. М., Вологда, 2012. С. 213-219, 221, 231-239.
- ²⁰ Сойер П. Эпоха викингов. СПб., 2002. С. 16, 99; Михайлов К.А. Древнерусские камерные погребения и Гнездово // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды Государственного Исторического музея. Вып. 124. М., 2001. С. 168; Захаров С.Д. Указ. соч. С. 216, 218; Макаров Н.А. Исторические свидетельства и археологические реалии: в поисках соответствий // Русь в IX–X веках. С. 451.
- ²¹ Полное собрание русских летописей. Т. 34. М., 1978. С. 39; Кирпичников А.Н., Сарабьянов В.Д. Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб., 1996. С. 84-87; *их же*. Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 76-78; Кирпичников А.Н. «Сказание о призвании варягов». Анализ и возможности источника // Первые скандинавские чтения. Этнографические и культурно-исторические аспекты. СПб., 1997. С. 10-11; *его же*. Сказание о призвании варягов. Легенды и действительность // Викинги и славяне. Ученые, политики, дипломаты о русско-скандинавских отношениях. СПб., 1998. С. 33, 39-40.
- ²² Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. М., 1982. С. 184, 189.
- ²³ Захаров С.Д. Указ. соч. С. 221, 234-235.
- ²⁴ Гедеонов С.А. Указ. соч. С.56.
- ²⁵ Ewers J.P.G. Op. cit. S. 186; Эверс Г. Указ. соч. С. 84.
- ²⁶ Захаров С.Д. Указ. соч. С. 236.
- ²⁷ См. об этом подробнее: Фомин В.В. Нужен ли нашему будущему шведский взгляд на наше прошлое? Ч. I // <https://www.apn.ru/publications/article29737.htm>; ч. II // <https://www.apn.ru/publications/article29751.htm>; ч. III // <https://www.apn.ru/publications/article29772.htm>